

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО
собрание сочинений • том 7

Собрание сочинений • том 7

ЕВГЕНИЙ
ЕВТУШЕНКО

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Е27

Составление *Евгения Евтушенко*

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018)»

Фотография на обложке: © Владимир Вяткин / РИА Новости

Во внутреннем оформлении использована фотография:
© Владимир Савостьянов / Фото ИТАР-ТАСС

В оформлении книги использованы фотографии
из личного архива Евгения Евтушенко

Оформление *Натальи Ярусовой*

Евтушенко, Евгений Александрович.

Е27 Собрание сочинений. Т. 7 / Евгений Евтушенко. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 640 с. — (Собрание сочинений).

ISBN 978-5-04-089740-7

Собрание сочинений Е.А. Евтушенко представляет творчество выдающегося поэта и писателя во всей полноте, подытоживает все лучшее, что он сделал за свою жизнь: любовную и гражданскую лирику, 22 эпические поэмы, по которым можно изучать и историю России, и жизнь всего человечества. Ведь он выступал с чтением стихов, помимо всех регионов родины, в 96 странах, и его стихи, переведенные на 72 зарубежных языка, учили людей во многих странах свободному незашоренному мышлению, разрушая железный занавес. В книгу включены стихотворения и поэмы 1978–1986 годов, публицистика, статьи об искусстве.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-04-089740-7

© Евтушенко Е. А. Наследник, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Стихотворения и поэмы
1978–1986 годов

1978

* * *

Джумберу Беташвили

О Грузия, нам слезы вытирая,
ты — русской музы колыбель вторая.

О Грузии забыв неосторожно,
в России быть поэтом невозможно.

Январь 1978

Лимонад Лагидзе

Всегда есть неразгаданность в провидце
и в мастере любом —

 таков закон.

Секрет своей воды унес Лагидзе,
как тайну языка Галактион.

Теперь стихи, как лимонад, шипучи,
промышленность работает хитро,
и почему-то жидкие шампуни
сегодня называются «ситро».

Что вкус для мира, слишком занятого!

Но помню, от безвкусицы устав,
то ощущение чуда золотого,
шипевшего когда-то на устах.

И лимонад не терпит равнодушья...

Как прыгали, пьянящие слегка,
лимонов бывших крошечные души,
смеясь внутри любого пузырька!

Евгений Евтушенко

Старик Лагидзе умирал, как надо,
бесслезно смерть приняв, как благодать.
С ним умирала тайна лимонада,
и мастер знал —

ее не передать.

А юноша, рискнув над ним склониться,
«В чем ваш секрет?» —

спросил у старика,
и высунул, смеясь, язык Лагидзе
и показал на кончик языка.

Январь 1978

* * *

В среде, где скупость нелюдская,
где дружба вымерла мужская,
где скушно пьешь и скушно ешь,
где так безнежно и бесхашно,
где и застолье рукопашно,
где и от вежливости страшно,
и от невежливых невеж,
в среде, где нет красивых тостов,
а столько склочных перехлестов,
где и у женщин крысьи рты,
где всем на шею напросилась
самодовольства некрасивость
с надменным видом красоты, —
ходя по коридорам важным,
где пахнет лживым и продажным,
хоть зажимай рукою нос,
или по улицам колючим,
где будет злобный взгляд получен
на самый простенький вопрос, —
в автобусах, где все взаимно
так смотрят негостеприимно,
что могут вместе с шапкой съесть, —

попавший, словно в костеломню,
вздохну легко, когда я вспомню,
что Грузия на свете есть.

Январь 1978

САМТРЕСТОВСКАЯ ВИНОТЕКА

Самтрестовская винотека,
собрание мыслей человека,
запрятанных внутри вина, —
бутылок стройная страна!
Пусть на себя стекло надела
мысль потайная винодела, —
сквозь плесень из-под сургуча
она мерцает, как свеча.
Хотя бутылки — лежебоки,
они немножечко пророки,
и нам совсем не все равно,
что думает о нас вино.
Какие бури, непогоды,
не впад нисколечко в тоску,
вино семнадцатого года
перележало на боку.
Треск социального пожара
шел у вина над головой,
но все равно вино лежало,
букет рождая вкусовой.
Вино входило молча в тело,
вино входило в запах, в цвет,
вино мудрело и густело
под паутиной стольких лет.
И в этом не аполитичность,
а просто преданность земле,
что сохранило свою личность
вино, лежавшее во мгле.
Есть в нас невыдержанность часто,
страшит безвестность, как несчастье.

Дай бог, чтоб нам была дана
мужская выдержка вина!
И пусть запомнится поэтам,
как, сбросив лишнее на дно,
над вкусовым своим букетом
само работает вино!
Лишь то, что вечно, — то серьезно,
и дышат вечностью самой
и над землею — эти звезды,
и эти вина — под землей!

Январь 1978

* * *

Каждый сван подобен сванской башне,
будто сердце — в каменной рубашке.

В сдержанности, замкнутости свана
скрыта историческая рана.

Сколько было крови здесь и боли —
так что башней станешь поневоле.

Январь 1978

МАЦОНИ¹

У звуков

есть призвуки.

У криков есть призраки.

Тбилисская джинсовая молодежь,

в тебе —

от героев холстов Пиросмани —

ни признака,

¹ М а ц о н и — крестьянская простокваша (груз.).

и все-таки ты,
для себя незаметно,
идешь
вдоль призраков, призраков.
И карачохели
и рваный кинто,
в другом находясь измеренье,
глядят на тебя, молодежь,
в изумленье
и крестятся —
что-то не то.
Грузинская пери
жует чуингам.
Играет потомственный князь
в общежитии
на саксофоне,
но призраки криков
бредут через уличный гам
«Мацони...
мацони...
мацони...»
Незримо шагает
незримый осел,
как будто незримых селений посол.
С ним рядом плетется
незримый старик,
неся на незримых ладонях мозоли,
неся на губах
свой неслышимый крик:
«Мацони...
мацони...
мацони...»
Когда на губах
чуть мацони кислот,
с грузинской землей
ты нечаянно слит.

Мацони
людей
уважает,
когда
на осле
подъезжает.
Мацонщик
невидимо
непобедим,
хотя даже призрак
бывает усталым.
Тбилиси,
ты будь навсегда молодым,
но все же останься
хоть чуточку старым!
Быть призраком
так нелегко целый день!
Мацонщик ослу
предлагает чурчхелу с ладони
и шепчет,
скитаясь, почти сумасшедшая тень:
«Мацони...
мацони...
мацони...»

1978

* * *

Вы,
кто крали иконы у сванов,
приходя из низин с рюкзаками —
пусть убьют вас иконы,
грянув
гневно выстрелившими зрачками!
Только в том есть с природой единство,
в чьей душе —
чистота и пространство...

Отвергаю
 низинное свинство!
Принимаю
 вершинное сванство!

1978

ГРУЗИНСКИЕ ВИНА

«Мукузани» горчащая тяжесть
об истории Грузии скажет.

Ненавязчиво вас пожалевши,
сладость мягкую даст «Оджалеш».

Золотистость осеннего ветра
вам подарит прохладная «Тетра».

В понимании мира «Чхавери»
потайные откроет вам двери.

С ободком лиловатым по краю
«Ахашени» приблизит вас к раю.

В «Цинандали» кислинка хрустальна,
как слезы человеческой тайна.

В «Гурджаани» зеленая легкость,
словно далее грузинских далекость.

Земляничная свежесть рассвета —
молодой «Изабеллы» примета.

Изумрудно «Манави» искрится,
словно перстень грузинской царицы.

Бурдюком отдает еле-еле
и пастушьим костром — «Ркацители».

«Телиани» в себе воплотило
благородную кровь Автандила.

подошел и начал излиянье:
«Мистер Кипиани, вы звезда...
Думают прекрасно ваши ноги.
Велики ли в Грузии налоги?
Вы не пьете? Это что, всегда?»
Президент был футболистом бывшим
и поляком бывшим, не забывшим
уездной шляхетский гонорок.
Говоря о спорте, о талантах,
сделал он манжетою в брильянтах
в свой карман обдуманый нырок.
«Вас игра, как вижу, утомила?
Но ведь вы борец за дело мира —
вы ногами боретесь за мир.
А с валютой как у вас — не тяжело?
Вот пятифунтовая бумажка.
Это от меня — как сувенир...»
Кипиани —
 вроде против правил —
взял бумажку,
 медленно расправил,
посмотрел с улыбкою на свет
и сказал без чувства злости, мести:
«Водяные знаки все на месте,
а вот знака дружбы что-то нет.
В Грузии мы с дружеским значеньем
дарим всё гостям,
 за исключением
матерей, отцов, детей и жен.
А вот деньги дарим лишь на свадьбы...
Я —
 как это вежливей сказать бы? —
сувениром вашим поражен.
Взятка?
 Но — я должен вам признаться —
есть у нас товарищ Шеварднадзе, —
он ведет со взятками борьбу.
Если бы он к вам приехал в Кардифф,